Поэтому происхожденіе городовъ онъ объясняетъ единственной причиной, значеніе которой, конечно, нельзя отрицать, но лишь въ ряду другихъ причинъ, именно, скопленіемъ богатствъ въ рукахъ непроизводителей и сосредоточеніемъ ихъ въ городахъ. Изъ этой упрощенной концепціи оказалось не трудно получить простой отвѣтъ на мучительный и, казалось, безотвѣтный вопросъ: такъ что же намъ дѣлать? въ духѣ новаго физіократизма: „прежде всего что мнѣ самому нужно, мой самоваръ, моя печка, моя вода, моя одежда,—все, что я могу самъ сдѣлать“ (115). Онъ доказываетъ далѣе на своемъ примѣрѣ, что физическій трудъ совсѣмъ не мѣшаетъ и умственному, но содѣйствуетъ большему счастью жизни (116—18). И съ высоты достигнутаго равновѣсія душевныхъ и физическихъ силъ Толстой объявляетъ: „все, что мы называемъ культурой: наши науки и искусства, усовершенствованія пріятностей жизни—это попытки обмануть нравственныя, естественныя требованія человѣка; все, что мы называемъ гигіеной и медициной—это попытки обмануть естественныя, физическія требованія человѣческой природы“ (120). „Такъ что же выйдетъ изъ того, что десятокъ людей будетъ пахать, колоть дрова, шить сапоги не по нуждѣ, а по сознанію того, что человѣку нужно работать и что чѣмъ онъ больше будетъ работать, тѣмъ ему будетъ лучше? Выйдетъ то, что десятокъ или хоть одинъ человѣкъ и въ сознаніи и на дѣлѣ покажутъ людямъ, что то страшное зло, отъ котораго они страдаютъ, не есть законъ судьбы, воля Бога или какая-нибудь историческая необходимость, а есть суевѣріе, нисколько не сильное и не страшное, а слабое и ничтожное“ (138—9). Такимъ образомъ не на малое притязаетъ этотъ пробный урокъ прикладного физіократизма. Ну а что же тѣ бѣдные, которые были описаны вначалѣ? Вѣдь, казалось бы, ихъ слѣдовало бы прежде всего посадить на землю или устроить какъ-нибудь иначе раньше, чѣмъ сѣсть на нее самому, да еще съ такими міровыми задачами? Но они какъ-то незамѣтно забываются, а центръ вниманія переносится на вопросъ, какъ *мнѣ* освободиться отъ своей привилегированности и не участвовать въ злѣ? Какъ мнѣ обрѣсти потерянное спокойствіе совѣсти и отрясти прахъ культуры отъ ногъ своихъ? Но—увы!—это невозможно. Въ костяхъ своихъ, какъ наслѣдственную болѣзнь, несемъ мы это прошлое, и эту культуру, и это соучастіе въ общечеловѣческомъ добрѣ и злѣ и, взявъ отъ нея такъ много, счи-